СОФІЕВКА (*).

Приближаясь къ Умани, уѣздному городу Кіевской Губерніи, нѣкогда мѣстечку, принадлежавшему Графу Станиславу Францовичу Потоцкому, коего обширныя помѣстья далеко выходили за границу нынѣшняго уѣзда, я съ нетерпѣніемъ спрашивалъ молчаливаго моего товарища Р. К: гдѣ Софіевка? Гдѣ этотъ несравненный, единственный садъ, который посѣщали великіе наши Самодержцы; который, уже нѣсколько лѣтъ, приманиваетъ въ свои тѣнистыя дубравы и благородное любопытство путешественниковъ, изъ отдаленныхъ Государствъ Европы, и праздную юность, и зрѣлую опытность? Садъ, столько-же славный въ лѣтописяхъ Изящнаго, сколько замѣчательный по супружеской любви Польскаго Вельможи.... Напрасно я искалъ глазами Софіевки! Окрестности Умани, совсѣмъ не живописныя, увели-

(*) Статья изъ моихъ путевыхъ записокъ. *Сост.*

чивали только мои докучливые вопросы. Мы въѣхали въ городъ.

Тихій и прекрасный Іюльскій вечеръ въ полной мѣрѣ благопріятствовалъ моей прогулкѣ. Нанявъ фурмана, я поспѣшилъ видѣть Софіевку, и подъѣзжая къ воротамъ оной, въ послѣдній разъ спросилъ моего Еврея: гдѣ-же Софіевка? Израиль обернулъ голову, улыбнулся, пожалъ плечами (это привычка Жидовъ), поправилъ свою шляпу, ударилъ бичемъ по лошадямъ, и, чрезъ двѣ минуты, остановивъ тощихъ рысаковъ, сказалъ: «Извольте-сь выходить, васе-сь Высокоблагородіе! Вы, въ Софіевкѣ.»

Липовая, въ небреженіи оставленная аллея, ведущая изъ города въ садъ, на разстояніи $1\frac{1}{2}$ версты, слишкомъ обыкновенна, и не можетъ дать идеи о столь знаменитомъ созданіи: на нее не обращаешь ни малѣйшаго вниманія. Дурно обрытый косогоръ, дурная дорога — ива и ветла, растущія по теченію ручейка — эти предметы введутъ въ заблужденіе самаго зоркаго, самаго опытнаго посѣтителя, а потому удивительно-ли не узнать Софіевки, находясь въ самой Софіевкѣ? Словомъ: отъ каменныхъ воротъ, недостойныхъ столь славнаго мѣста, до галлереи, устроенной по случаю пріѣзда Государя Императора, садъ еще не отдѣланъ...

Но все это выкупаетъ одинъ взглядъ на обширные пруды, огромные камни, крытыя аллеи, прелестныя извилины; одинъ только взглядъ на плакучіе гроты, шумящіе водопады, кипучіе фонтаны — и вы восхищены, очарованы! Они доставляютъ чистѣйшее эстетическое наслажденіе.— Но подобные очерки неудовлетворительны; попробуемъ описать въ смиренной прозѣ то, что достойно истинной поэзіи.

Превосходная мысль: расположить садъ тамъ, гдѣ сама природа образовала дивныя красоты, принадлежитъ Графу С. Ф. Потоцкому; но исполненіе оной предоставлено было Машзелю, Капитану Польской Артиллеріи, родомъ Дацчанину. Сія богатая мысль, впослѣдствіи столь счастливо приведенная въ возможное исполненіе, родилась отъ причинъ весьма естественныхъ. У Графа была супруга (урожденная Графиня Браницкая), прекрасная тѣломъ, но еще болѣе прекрасная душой. Онъ любилъ ее пламенно, и она была достойна его любви. Любовь (она ведетъ родословную свою отъ начала міра) была главною виновницею созданія великаго, изящнаго, великолѣпнаго — однимъ словомъ: Графъ, желая передать отдаленному потомству имя своей Софіи, имя, для него столь любезное, назвалъ садъ — *Софіевкою*.

Машзель (да будетъ извѣстенъ этотъ Гидрографъ моимъ читателямъ) началъ работу

свою въ 1795 году, и продолжалъ ее съ необыкновеннымъ успѣхомъ до 1811 года, подъ непосредственнымъ и неусыпнымъ надзоромъ самого Графа. Тысячи рукъ воздѣлывали, созидали мѣсто, назначенное удивлять признательное потомство; тысячи лошадей перевозили огромныя тяжести, поднимаемыя посредствомъ машинъ, нарочно для сего изобрѣтенныхъ искуснымъ механикомъ. По одному мановенію Графа, истощавшаго свой геній на украшеніе сада, искапывались глубокіе пруды, озера и сажалки, насыпались высокіе холмы, длинныя и широкія плотины, планировались долины, срывались горы, прорѣзывались дорожки, устроивались скалы, ущёсы, пропасти..... Драгоцѣнныя, по своей рѣдкости, деревья, разныхъ климатовъ, купленныя на значительную сумму, привезены, вздѣланы; небольшой ручей, доколѣ извѣстный жителямъ Умани своею чистою водою, запертой прочною плотиною, образовалъ обширнѣйшее водохранилище; сооружены храмы, воздвигнуты памятники, изсѣчены гроты, насажены цѣлыя рощи деревъ, тысячи благоухающихъ цвѣтовъ, и такимъ образомъ дикая, отдаленная пустыня, по желанію Вельможи, превратилась въ садъ Армидинъ. Я любопытствовалъ узнать итогъ всѣхъ издержекъ, употребленныхъ на созданіе сего сада, и меня увѣряли, что сумма, выданная изъ кассы управ-

денія для сего предмета, простиралась за 20-ть милліоновъ злотыхъ.

Сей знаменитый садъ расположенъ въ Англійскомъ вкусѣ, вдоль глубокаго оврага, изрытаго вѣками и водой; подошвы горъ его омываетъ быстрый ручей, доселѣ удержавшій Польское названіе — Струмиха. Окружность всего сада имѣетъ слишкомъ двѣ версты. Едва пройдете галлерею, какъ обширный прудъ, образующій собою амфитеатръ, обставленный растущими деревьями, посреди котораго находится фонтанъ, выбрасывающій воду выше липъ и березъ, изумляетъ своими роскошными прихотями. Далѣе увидите большіе камни, въ дикомъ безпорядкѣ нагроможденные одинъ на другой. Высоты оныхъ образовываютъ довольно пространныя площадки, украшенныя мраморными статуями. На одной изъ нихъ (замѣчательной по длинному камню, совершенно похожему на рыбу) Графъ намѣренъ былъ помѣстить бильярдъ, и украсить бока площадки высокими перилами изъ стали.

Широкая дорожка, какъ лента, опоясываетъ прудъ. Она ведетъ къ большому водопаду, коего пѣнистая вода падаетъ внизъ съ ужаснымъ шумомъ. Птицы, испуганныя паденіемъ воды, спѣшатъ оставить мѣста, обильныя красотами, и перелетѣвъ значительное разстояніе,

какъ-бы изъявляютъ сѣшованіе въ дикой гармоніи своего разнообразнаго напѣва. Тутъ переходите желѣзный красивый мостъ, переброшенный чрезъ узкую часть пруда и примыкающій къ пространной площади, на которой сдѣлана изъ камня небольшая сажалка. Обитатели Тихаго Океана, маленькія рыбки, часто и во множествѣ выплывающія на поверхность воды, обращаютъ на себя нѣкоторое вниманіе. Посреднѣ сей сажалки находится мраморная корзина съ цвѣтами разнаго рода. Далѣе замѣчаете мѣсто, назначенное для оркестра. Здѣсь, во время съѣзда публики, многочисленной и блестящей, играетъ музыка (29 Іюня). Не увеличивая предметовъ, должно сознаться, что это одно изъ лучшихъ, живописнѣйшихъ мѣстоположеній въ Софіевкѣ. Государь Императоръ Александръ былъ въ саду два раза, и проводилъ нѣсколько часовъ въ примѣтномъ удовольствіи. Однажды Его Величество, стоя на мосту и любуясь видами, достойными кисти Сальватора Розы, изволилъ сказать: «Софіевка первый садъ въ Европѣ.» Мнѣніе сего Великаго Государя есть уже окончательный приговоръ и въ области Искуствъ Изящныхъ.

И дѣйствительно: въ двадцати саженяхъ величественный водопадъ, дивное произведеніе искуства и труда, низвергая массу водъ на

камни, заросшіе бархатнымъ мхомъ, производитъ глухой рокотъ, уносимый эхомъ въ отдаленную чащу дубравы, между тѣмъ какъ взоры наслаждаются явленіемъ отмѣнно привлекательнымъ. Прямо и на право лежатъ камни, еще огромнѣйшіе, разбросанные рукою природы, въ такомъ живописномъ видѣ, въ такомъ миломъ безпорядкѣ, что самый равнодушный посѣтитель заплатитъ дань общаго удивленія сему несравненному ландшафту. На противоположной сторонѣ водопада находится площадка, украшенная мраморнымъ Купидономъ. Здѣсь замѣчателенъ дикій камень, обрушившійся на другой, внизу лежавшій. Громада сія, касаясь его одной только срединой, грозитъ своимъ паденіемъ. Подъ симъ-то камнемъ изсѣчена скамья, служащая для отдыха; но едва-ли можно усталому страннику предаваться негѣ и покою тамъ, гдѣ каждое мгновеніе боишься быть раздавленнымъ..... Въ прямомъ направленіи отъ моста протекаетъ журчащій, игривый ручей, и не достигая нѣсколько сажень до клубящихся водъ грознаго водопада, какъ-бы боясь оныхъ, скрывается подъ вѣковые камни. Еще далѣе, любопытный взоръ устремляется на пространство уединенной долины, гдѣ купы душистыхъ тополей, Американскія липы, сосны, и клёнъ, тюльпановыя, кедровыя и лавровыя деревья, Іерусалимскій тёрнъ, распростра-

ныя въ воздухѣ легкое благоуханіе, раждаютъ въ душѣ мечты романическія. Прибавьте къ этой картинѣ высокія горы, совершенно заслоняющія собой дальнѣйшіе предметы, потомъ утёсы и скалы, пустъ старые дубы, развѣсистыя березы, пирамидальныя ели, тамъ красивые кустарники: бузина, синель, бальзамина, размѣщенныя съ искуствомъ и умомъ — и вы будете имѣть слабое понятіе о томъ, что въ натурѣ истинно плѣнительно и прекрасно....

Извилистая дорожка, то удаляющаяся подъ густую тѣнь деревьевъ, то снова выходящая на долину, ведетъ далѣе, во внутрь сада. Тамъ, гдѣ воздвигнутъ обломокъ огромной колонны, Графъ получилъ печальное изъ Тульчина извѣстіе о кончинѣ третьяго сына своего, Николая.... и назвалъ мѣсто сіе *смутнымъ*. Въ памятъ малютокъ сдѣланы три небольшіе водопада, которые и названы: водопадами дѣтей.

Вотъ величественный и вмѣстѣ таинственный гротъ, гдѣ бывали парадные обѣды во время Высочайшаго пребыванія. Посредствомъ всемогущаго пороха и механическихъ орудій, гротъ сдѣланъ изъ одного камня неизмѣримой величины, ибо основаніе онаго находится въ землѣ. Старыя и молодыя деревья осѣняютъ его съ подошвы до самаго верха, на которомъ

шакже устроено мѣсто для оркестра. При первомъ взглядѣ на сіе убѣжище меланхоліи, я невольно остановился и долго разсматривалъ его съ какимъ-то почтительнымъ удивленіемъ. Съ робостію входишь подъ прохладные и темные его своды. Въ одномъ углу сего грота бьетъ чистая вода, проведенная сверху, отъ сильной стремительности которой раздается глухой грохотъ, подобный отдаленному эху. Здѣсь часто, при захожденіи солнца, посѣтители, утомленные дальнею прогулкою, собираются пить чай, слушать трели соловья и дышать ароматическимъ воздухомъ.

Храмъ, сооруженный въ честь Нептуна, примыкающій къ плотинѣ пруда и служащій резервуаромъ для всей Софіевки — прелестенъ!... Восточная роскошь и отличный вкусъ замѣтны во всѣхъ частяхъ его. Входъ въ сей храмъ причудливой изыскательности, напоминаетъ длинные корридоры Кіевскихъ пещеръ. Мраморныя колонны, Тосканскаго ордена, поддерживаютъ нѣсколько каменныхъ ступеней, по коимъ вода, вырвавшаяся изъ резервуара, шумя и клубясь, низвергается дугой на пространство значительное. Въ углубленіи храма, обложеннаго тесанымъ гранитнымъ камнемъ, находится Венера Медиційская (изваянная въ Парижѣ изъ бѣлаго мрамора), высокаго достоинства въ ху-

дожественномъ отношеніи, и я не знаю мѣста, приличнѣйшаго для этой миѳологической богини, созданной плодовитымъ воображеніемъ Грековъ и олицетворенной геніями Фидія и Праксителя. Здѣсь нѣкогда игрывали въ карты, не боясь ярящейся стихіи надъ головою; а вечеромъ весь храмъ освѣщался кенкетами. Думаю, что эффектъ долженъ быть чудесный!... Близъ сего храма устроенъ фонтанъ, заключенный въ желѣзную клѣтку. Да, Мм. Гг., фонтанъ дѣйствительно бьетъ посреди желѣзной клѣтки, и это будто-бы для того, что въ ней, въ былое время, важивались разныя птицы.... По крайней мѣрѣ меня увѣрялъ въ томъ старый садовникъ, тотъ самый, трудами котораго взлелѣяны тысячи растеній.

Любопытство, возбужденное изящными предметами, достойными царскихъ гульбищъ, заставляетъ посѣтителя немедленно удовлетворять его. Поспѣшая болѣе и болѣе обозрѣть знаменитый садъ, невозможно оставить безъ надлежащаго вниманія пещеры или грота (какъ угодно), сдѣланнаго во вкусѣ Греческой бани. Въ немъ найдете колодезь, коего вода чиста какъ кристаллъ. Во время публичнаго гулянья, каменныя стѣны и своды его убираютъ душистыми цвѣтами и освѣщаютъ кенкетами. Отъ сего грота, до фонтана, бьющаго ключевую

воду въ мѣдную полувазу, идеше по одному камню, мѣрою въ 62 фута. Сверхъ того, каждый посѣтитель обращаетъ особенное вниманіе на устройство воды, проведенной по разнымъ направленіямъ обширной Софіевки. Замѣтимъ, что водопады и фонтаны не всегда наполняются водою, которую приводятъ въ движеніе или во время общаго гулянья, или по просьбѣ посѣтителей.

Наконецъ, вотъ затѣйливое созданіе прихотливаго вымысла, предметъ всеобщаго любопытства, словомъ: подземный гротъ, и о немъ-то сей часъ намѣренъ я говорить.

Читали-ль вы *Тысячу и одну ночь* — Арабскія сказки, или романы Радклифъ и Дюкре-Дюмениля — произведенія юродствующаго воображенія? Слыхали-ль въ дѣтствѣ такъ называемыя страшныя гисторіи? Все это воскресаетъ въ памяти вашей, когда видите въ самомъ дѣйствіи явленія, близко подходящія къ волшебству.

Посѣтитель садится въ шлюпку, управляемую шестью гребцами, которые проплывъ съ нимъ по небольшому со всѣхъ сторонъ окруженному деревьями озеру, вводятъ оную руками въ длинный, обложенный кирпичемъ и дикимъ камнемъ гротъ, коего ширина едва-ли

будетъ въ 14 фушовъ. По мѣрѣ удаленія шлюпки отъ отверстія грота, усиливается борьба свѣта со тмою. Она подобна борьбѣ жизни со смертію, потому что послѣдняя часто одерживаетъ побѣду.... Наконецъ плавающіе находятся въ совершенной темнотѣ. Только посредствомъ однѣхъ отдушинъ, устроенныхъ вверху сводовъ (фушовъ на 25 одна отъ другой), проницаетъ слабый свѣтъ, и тогда на нѣсколько секундъ можно различать окружающіе предметы. Какая-то гробовая тишина, рѣдко прерываемая плескомъ разсѣкаемой шлюпкою воды, нарушаетъ страшное сіе безмолвіе. Наслажденіе, полученное при разсматриваніи красотъ Софіевки, исчезаетъ: его смѣняютъ мрачныя, грустныя думы. Не хотѣлъ-ли Вельможа сею таинственною прогулкою, симъ мгновеннымъ переходомъ отъ удовольствія къ унынію, испытать различныя ощущенія души человѣческой? По крайней мѣрѣ не можно предполагать, чтобы одно удивленіе было предметомъ столь страннаго вымысла.... По шлюпку причалили къ воротамъ, и тотчасъ за ней опускаютъ шлюзъ; между тѣмъ, какъ-бы очарованный посѣтитель, находясь въ каналѣ, обитомъ досками, и видя только небо и верхи деревъ, въ изумленіи не знаетъ: чѣмъ все это кончится.... Вдругъ открываютъ въ воротахъ клапанъ, и вода, быстро хлынувши подъ шлюп-

ку, но отнюдь не обезпокоивая сидящихъ въ ней, примѣтно начинаетъ поднимать оную, все выше и выше. Когда вода въ каналѣ достигаетъ той вышины, на которой находится прудъ, тогда отворяютъ ворота, и шлюпку осторожно выводятъ въ означенный резервуаръ. Объѣхавъ обширнѣйшее сіе водохранилище, осмотрѣвъ уединенный островъ, купальню, и, если угодно, оранжерею, взглянувъ на Софіевскую гавань, въ которой хранится двѣнадцати-весельная лодка съ надписью: посѣтитель возвращается слѣдующимъ образомъ. Шлюпку его, опять тѣмъ-же порядкомъ, вводятъ въ тѣже ворота, кои немедленно за нимъ затворяются, между тѣмъ какъ опущенный шлюзъ, посредствомъ механическаго колеса, тихо поднимаютъ. Вода мало по малу уходитъ въ гротъ, и шлюпка постепенно понижается. Когда-же вода совершенно сравнялась съ находящеюся въ подземномъ гротѣ, то посѣтитель, извѣстнымъ уже путемъ, возвращается въ пристань. Плаваніе сіе доставляетъ всякому живѣйшее удовольствіе, о которомъ воспоминаніе сохраняется на долго.

Я не долженъ утаить изустнаго преданія, имѣющаго историческое достоинство. Первое дерево въ Софіевкѣ (огромная сосна) привезено было, въ видѣ подарка, изъ деревни Мань-

ковки, крестьяниномъ оной, за что Графъ отдарилъ его двумя парами воловъ, и приказалъ не брать съ него оброка. Желательно былобы видѣть на сей соснѣ надпись, или что нибудь сему подобное, дабы антикваріи будущаго поколѣнія не затруднялись отыскивать слѣды древности.

Говорить-ли о блистательныхъ и многолюдныхъ праздникахъ, бывавшихъ въ Софіевкѣ, которой дубравы оглашались плѣнительною гармоніею духовой и роговой музыки? Исчислять-ли всѣхъ особъ, двадцать разъ видѣвшихъ знаменитый садъ, но съ новымъ любопытствомъ, съ неприторнымъ удовольствіемъ пріѣзжающихъ любоваться его видами? Къ сожалѣнію, я принужденъ обнаружить огорчительную истину, что здѣсь Графу Потоцкому до сихъ поръ нѣтъ приличнаго памятника, и что необъятные пруды его едва, едва поддерживаются надзоромъ скуднымъ..... Скажемъ, что Софіевка удостоена была воззрѣнія нынѣ благополучно Царствующаго Государя Императора и Государыни Императрицы, Великаго Князя Михаила Павловича и Великой Княгини Елены Павловны.

Чтобы вполнѣ имѣть наслажденіе, должно гулять здѣсь одному. Я желалъ только взгля-

нуть на Софіевку.... и прожилъ въ Умани, единственно для, нея пять дней. Утро и полдень, вечеръ и глубокую ночь бродилъ я по романическимъ ея дорожкамъ, часто разбѣгающимся врозь, то взбираясь на крутые утесы и пріятныя возвышенности, то спускаясь на пространныя долины и цвѣтущія лужайки. Надобно быть лѣтомъ въ Софіевкѣ, въ лунную, тихую ночь: это очаровательная прелесть!.. Тогда посѣтитель увидитъ во всемъ великолѣпіи и блескѣ водопады и фонтаны, которыхъ воды льются серебромъ растопленнымъ; онъ увидитъ природу, сонную, безмолвную, но сколь краснорѣчивую для наблюдателя!... Тогда, невольно предавшись сладостной, безотчетной мечтательности (кто равнодушенъ будетъ къ сему зрѣлищу?), повторишь слова незабвеннаго Вѣнценосца: «Софіевка первый садъ въ Европѣ!»

1832 года.
Тула.

Николай Андреевъ.